

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.43

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-1-70-86>

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА КАТЫЛЫГ 5 И КОКЭЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Т.Р. Садыков

Институт истории материальной культуры РАН,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

Аннотация. Статья посвящена керамике, полученной при раскопках городища Катылыг 5, расположенного в Центрально-Тувинской котловине, в верховьях реки Ээрбек, правого притока Улуг-Хема (Енисея) в таежной зоне. Приводится полная информация о керамическом комплексе, что, учитывая его своеобычность, нам кажется необходимым сделать как можно более оперативно.

Выделено 4 группы керамики и приведены все нехарактерные для памятника фрагменты, составляющие незначительный процент и относящиеся к предшествующим городищу историческим эпохам. Основная масса керамики (67 %, группа 1) прямо соотносится с сосудами в погребальных и «поминальных» памятниках кокельской культуры. Группы 2 и 3 (по 5 %) обладают некоторой спецификой, которая еще нуждается в объяснении. Отдельное внимание уделено группе 4 (18 %, сосуды со скошенным горлом), которая не встречалась до сих пор в материалах памятников Центральной Азии, но имеет неожиданные аналогии на Дальнем Востоке. В качестве версии предлагается объяснение этим аналогиям через влияние из общего центра в процессе «сяньбийских» миграций. Все эти параллели могут пока обсуждаться только очень гипотетически.

Также в статье опубликованы радиоуглеродные даты для городища, которые маркируют достаточно определенный хронологический интервал (вторая половина 3-го первая половина 4-го вв. н. э.).

Ключевые слова: сюнну, сяньби, кокельская археологическая культура, Тува, Центральная Азия, городище, Катылыг 5, керамика, сосуды с вырезом, сосуды со скошенным горлом.

Формат цитирования: Садыков Т.Р. Керамика городища Катылыг 5 и кокельской археологической культуры // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 70–86. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-70-86

POTTERY OF FORTIFIED SETTLEMENT KATYLYG 5 AND KOKEL ARCHAEOLOGICAL CULTURE

© T.R. Sadykov

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences
18 Dvortsovaya emb., Saint-Petersburg 191186, Russian Federation

Abstract. Fortified settlement Katylyg 5 belongs to Kokel Archaeological culture. The site located in Central Asia, Republic of Tuva, on the right inflow of the Ulug-Khem (Yenisei) – Eerbek river, in the taiga zone at an altitude around a thousand meters (fig. 1). Katylyg 5 is the first known settlement of this culture.

This paper focuses on pottery. Group 1 (67 %, fig 2: 1-4; fig 4, 5) is common for Kokel archaeological culture. Groups 2, 3 (5%, fig. 6; 5% fig. 7) have some differences but we don't sure what it exactly means. Group 4 (18%, fig. 2: 5, 6; fig. 8) is the new type absolutely unusual for Central Asia. Some similar potteries are known in Far East region (Amur River basin, North-East China). It's origin we still don't know, it can be Xianbei influenced.

This type of ceramics was never found in burials. We propose that this vessels are mostly for iron-making process, fig. 9 – the plan with all sherds of group 4 and the zone with furnaces. Fig. 11 – not typical (less than 5%) ceramics from Katylyg 5 that can be earlier and accidental.

There are also the results of radiocarbon dating (8 samples from a various areas at the settlement). All of them seem to be correct. Katylyg 5 dates back to the second half of 3th – first half of 4th centuries CE.

Keywords: Xiongnu, Xianbei, Kokel, Tuva, Central Asia, fortified settlement, Katylyg 5, pottery, ceramics, cutout vessels, vessels with sloping neck

For citation: Sadykov T.R. Pottery of Fortified Settlement Katylyg 5 and Kokel Archaeological Culture. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 70–86. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-70-86

В 2014–2015 гг. 2-й отряд (под руководством автора) Тувинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН изучал городище Катылыг 5, расположенное в Центрально-Тувинской котловине, в верховьях реки Ээрбек, правого притока Улуг-Хема (Енисея) в таежной зоне (рис. 1). Раскопано более 2000 квадратных метров, предварительная информация опубликована. Полученные данные продолжают обрабатываться, и этой статьей мы продолжаем серию публикаций (Садыков, 2017а), в которой весь изученный материал представлен (или будет представлен) по категориям.

Культурный слой городища Катылыг 5 – гумусированная супесь мощностью 0,3–0,4 м, которая не делится на отдельные горизонты. Зафиксировано множество ям (на основной площади внутри валов одна яма приходится примерно на 2 кв. м), во многих случаях имеющих подквадратную форму, площадь около 0,5 кв. м и глубину до 0,5 м. Заполнение ям в большинстве случаев имеет те же характеристики, что и вышележащий культурный

слой и содержит тот же материал.

Основная масса находок из городища, система фортификации, объекты металлургического производства и многочисленные ямы, по всей видимости, оставлены за очень небольшой промежуток времени. Об этом говорит как однородность материала, так и практически полное отсутствие случаев перекрытия ямы ямой.

Серия радиоуглеродных дат, полученная из разных участков городища, имеет общий интервал – вторая половина 3-го – первая половина 4-го вв. н. э. (все даты сделаны по углю в Лаборатории Археологической технологии ИИМК РАН), калибровка в программе OxCal v.3.10.

На раскопанном пространстве зафиксировано около восьми тысяч фрагментов керамики, каждый фрагмент снимался тахеометрической точкой отдельно. Керамика довольно отчетливо делится на несколько основных групп, при этом несколько процентов керамики резко выделяется на этом фоне. Это, по всей видимости, в большинстве своем не импорты, а попавшие в культурный слой фраг-

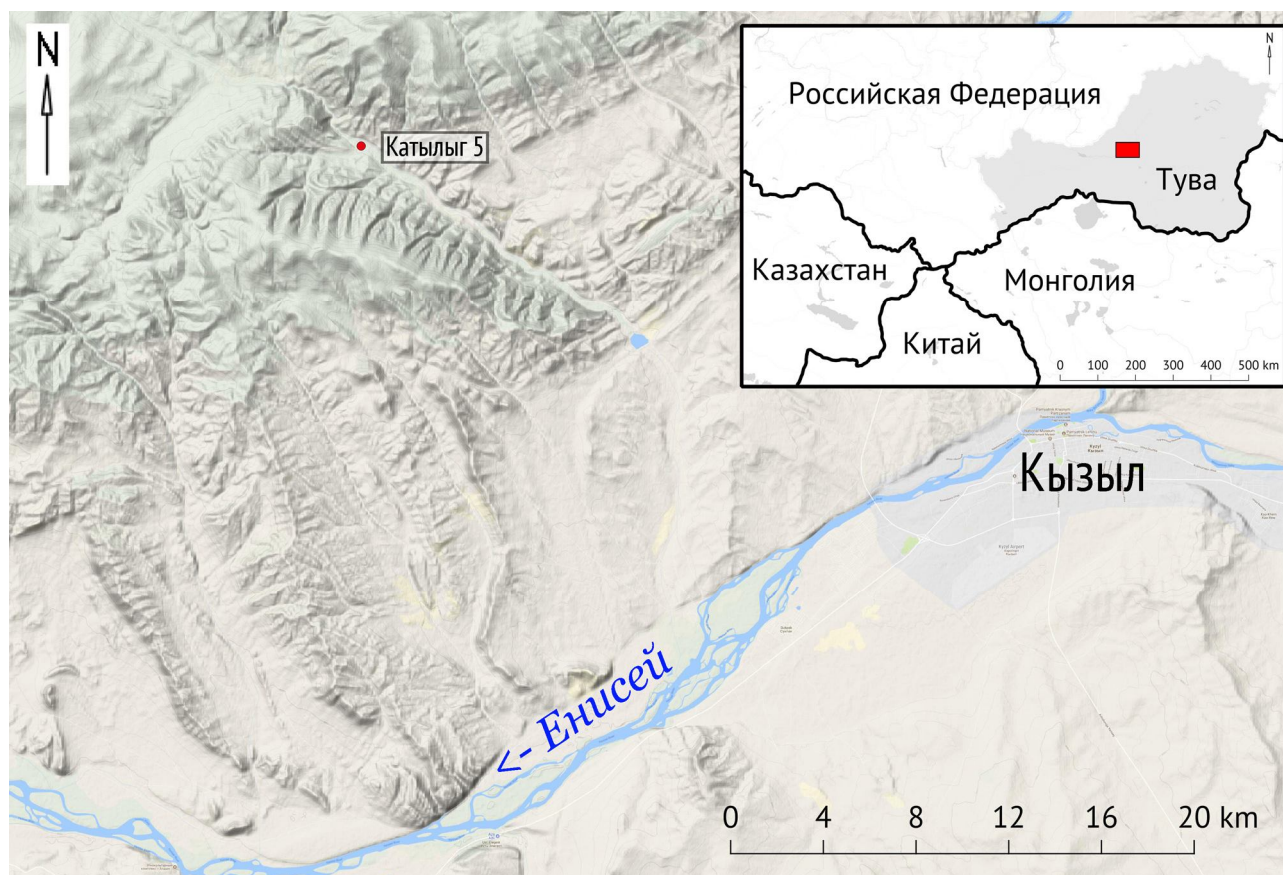

Рис. 1. Городище Катылыг 5 на карте
Fig. 1. Katylig 5 in Central Tuva

Таблица 1

Катылыг 5. Радиоуглеродные даты

Table 1

Katylyg 5. The results of radiocarbon dating

Код Code	N объекта Nr of object	До калиб- ровки Radiocarbon	95.40 %
ЛЕ-10937	21	1730±20	240–390 CE
ЛЕ-10938	716	1760±20	220–350 CE
ЛЕ-10940	719	1720±20	250–390 CE
ЛЕ-10941	44	1700±25	250–410 CE
ЛЕ-10942	150	1710±30	250–410 CE
ЛЕ-10943	311	1770±30	130–350 CE
ЛЕ-10944	482	1770±30	130–350 CE
ЛЕ-10945	20	1820±45	80–330 CE

менты, относящиеся к предыдущим историческим эпохам. Пространство вокруг городища было, если не заселено, то посещаемо как минимум с эпохи бронзы, о чем говорят расположенное в непосредственной близости поселение Катылыг 4 и небольшое количество подъемного материала разного времени, собранного с окружающих полей.

Керамика в целом является наиболее характерной категорией при изучении кокельской археологической культуры. Для памятников этой культурной общности довольно редки находки «художественных» вещей, позволяющие проводить какой бы то ни было «стилистический» анализ. Исключением является могильник Кокэль, в котором сохранилось множество предметов из органики – дерева, бересты, но в других памятниках эта категория предметов обычно не сохраняется, и, соответственно, не может использоваться в полной мере для сравнений и обобщений.

Находки из бронзы в кокельских памятниках единичны. Это особенно показательно на фоне активного использования бронзы в предыдущее «сюннуское» время (Килуновская, Леус, 2017). Для кокельской культуры в целом нехарактерны любого рода импорты (по всей видимости, как следствие отсутствия стабильных внешних связей), а производство бронзы на местной основе для этого времени пока не зафиксировано.

Основная масса металлических находок – из железа, и это обычно исключительно функциональные вещи, имеющие в большинстве случаев очень широкие хронологические рамки. В «рядовом» погребении кокельской культуры обычно будет железный нож (или ножи) и железная пряжка (или пряжки). Наконечники стрел, накладки на лук, как и некоторые другие предметы вооружения, встречаются достаточно часто, но не являются, судя по всему, обязательной частью погребального инвентаря.

Таким образом, керамика является наиболее частой и обычно определяющей категорией находок для отнесения памятника к кокельской археологической культуре. Конструктивные и планиграфические особенности, детали обряда, как и остальной погребальный инвентарь, могут при этом довольно сильно варьироваться. Более того, широко распространены «курганы», где кокельский сосуд является единственным предметом, вокруг которого строится «надсосудная насыпь» (Садыков, 2016) не уступающая иногда по масштабам «настоящим» погребальным памятникам (Савинов, 1995).

Отдельное изучение керамики кокельской археологической культуры представляется безусловно перспективной задачей и данная статья может послужить одним из источников для этой работы.

Приводимая ниже статистика основана на просмотре всей массы керамики, выделении из нее 945 фрагментов, которые могут быть однозначно отнесены к той или иной группе, внесению этой информации в опись (где каждый фрагмент имеет координаты и может быть определен на общем плане).

При этом нам кажется преждевременным вводить какую-то более дробную типологию. Из культурного слоя городища происходит только 9 археологически целых сосудов (рис. 2), не вполне точно отражающих керамику, представленную во фрагментах. Поэтому мы выделили 4 основных морфологических группы и отдельно описали все встреченные исключения. Мы используем термин «группа», чтобы не возникло путаницы с «типами» кокельской керамики, выделенными по материалам раскопок могильника Кокэль (рис. 3).

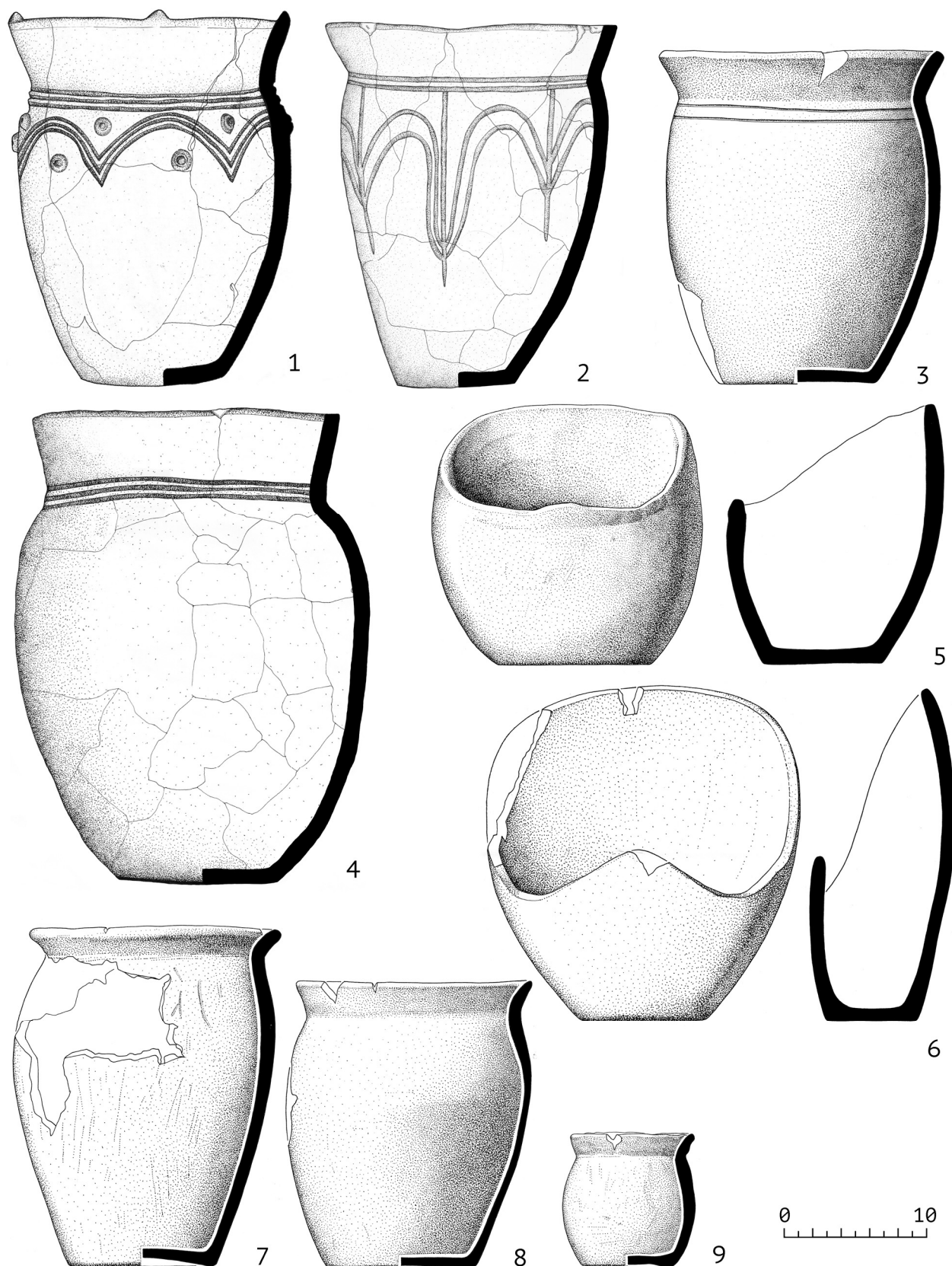

Рис. 2. Катылыг 5. Археологически целые керамические сосуды: 1 – H5/47; 2 – M16/3; 3 – 316/58; 4 – E10/128; 5 – E11/18; 6 – H5/46; 7 – П10/16; 8 – Л10/95; 9 – Ж15/17

Fig. 2. Katylyg 5. Pottery. Complete vessels

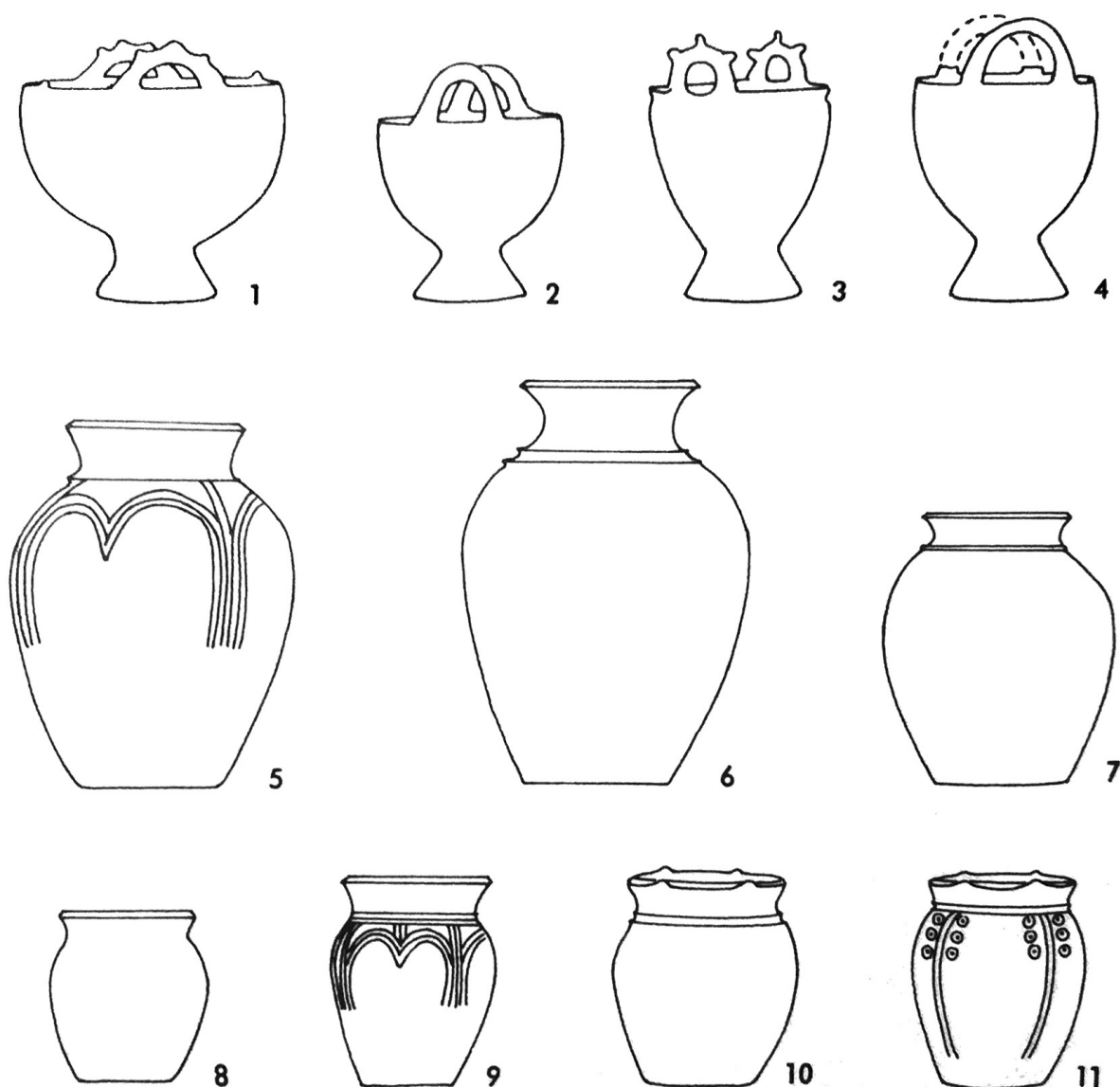

Рис. 3. Типы керамики могильника Кокэль по Р. Кенку (Kenk. 1984)
 Fig. 3. The ceramics of Kokel burial field according to R. Kenk (Kenk. 1984)

Еще один целый сосуд (относящийся к группе 1) происходит из погребения на территории поселения, мы его здесь не учитываем.

Группа 1 (рис. 4, 5). Керамика, широко представленная в кокэльских погребальных и так называемых поминальных комплексах составляет 67 процентов от всей керамики городища, которую мы можем отнести к той или иной группе. Сосуды лепные, венчик резко отогнут, внешняя поверхность сосудов как правило лощеная, цвет – разных оттенков коричневого, вплоть до черного. Орнаментированы сосуды самыми разными вариантами арочно-лопастного орнамента или просто парал-

лельными линиями под венчиком. В некоторых случаях орнамента нет, но профиль, лощение, цвет и состав теста идентичны.

Способ нанесения орнамента в большинстве случаев (более 90 процентов) – прорезной, но есть и сосуды с наклепными валиками, образующими те же арки и лопасти. Некоторые сосуды имеют крайне характерные для кокэльской керамики четыре наклепа на верхней части венчика (рис. 2.1; рис. 4.4, 6; рис. 5.9) и наклепные шишечки, вписанные в общую схему орнамента (рис. 2.1; рис. 5.8, 9).

По наиболее полной типологии кокэльской керамики, предложенной Р. Кенком (рис. 3; Kenk,

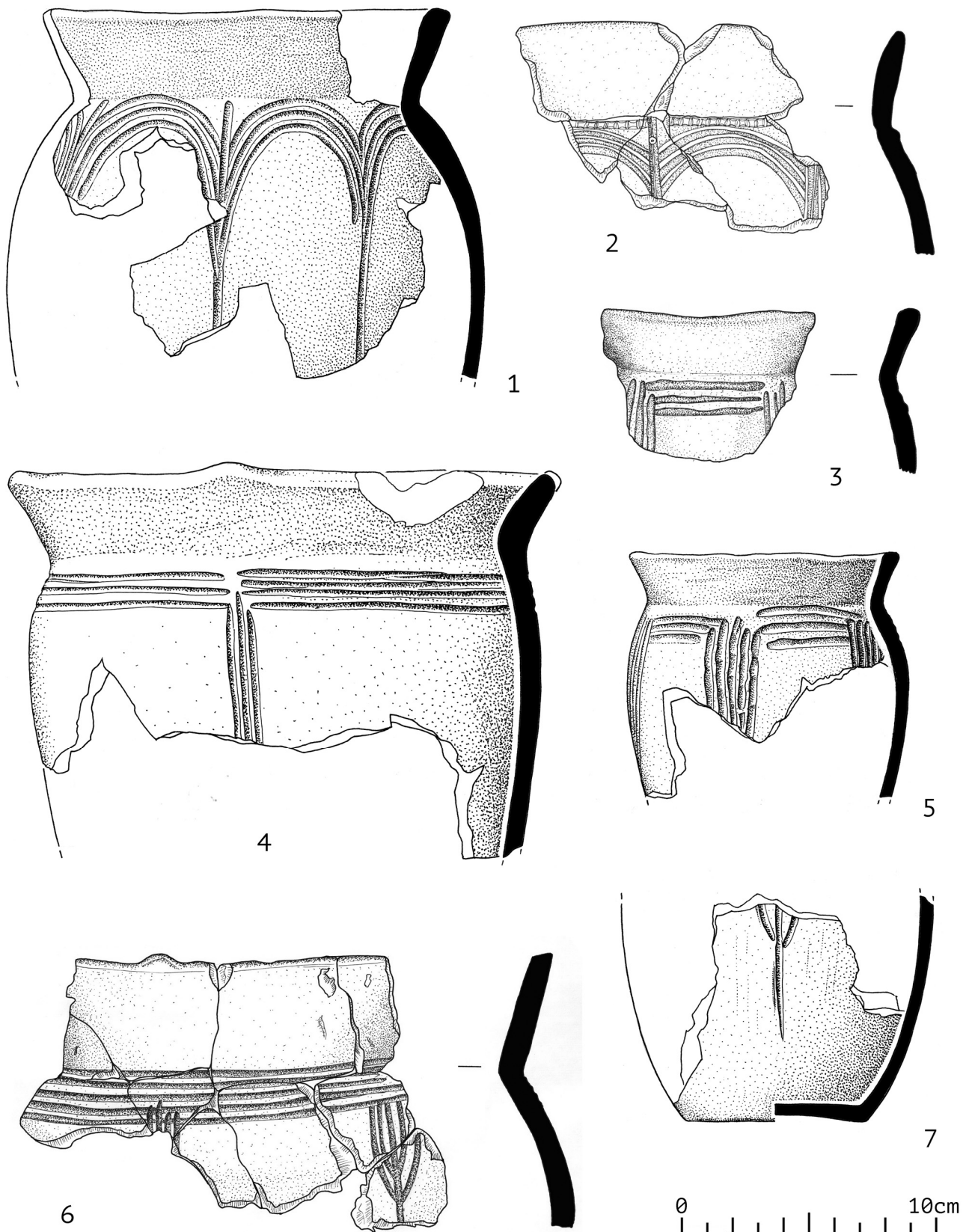

Рис. 4. Катлыг 5. Керамика. Группа 1: 1 – В13/19, 21, 22; 2 – К14/56; 3 – 310/75; 4 – И16/71–73, 77–79, 83, 85, 96, 97, 99, 101, 105, 108; 5 – И14/10, 21, 23, 24, 32, 55, 58; 6 – Ж9/96–102; 7 – 310/72–74, 76–79

Fig. 4. Katylyg 5. Pottery. Group 1

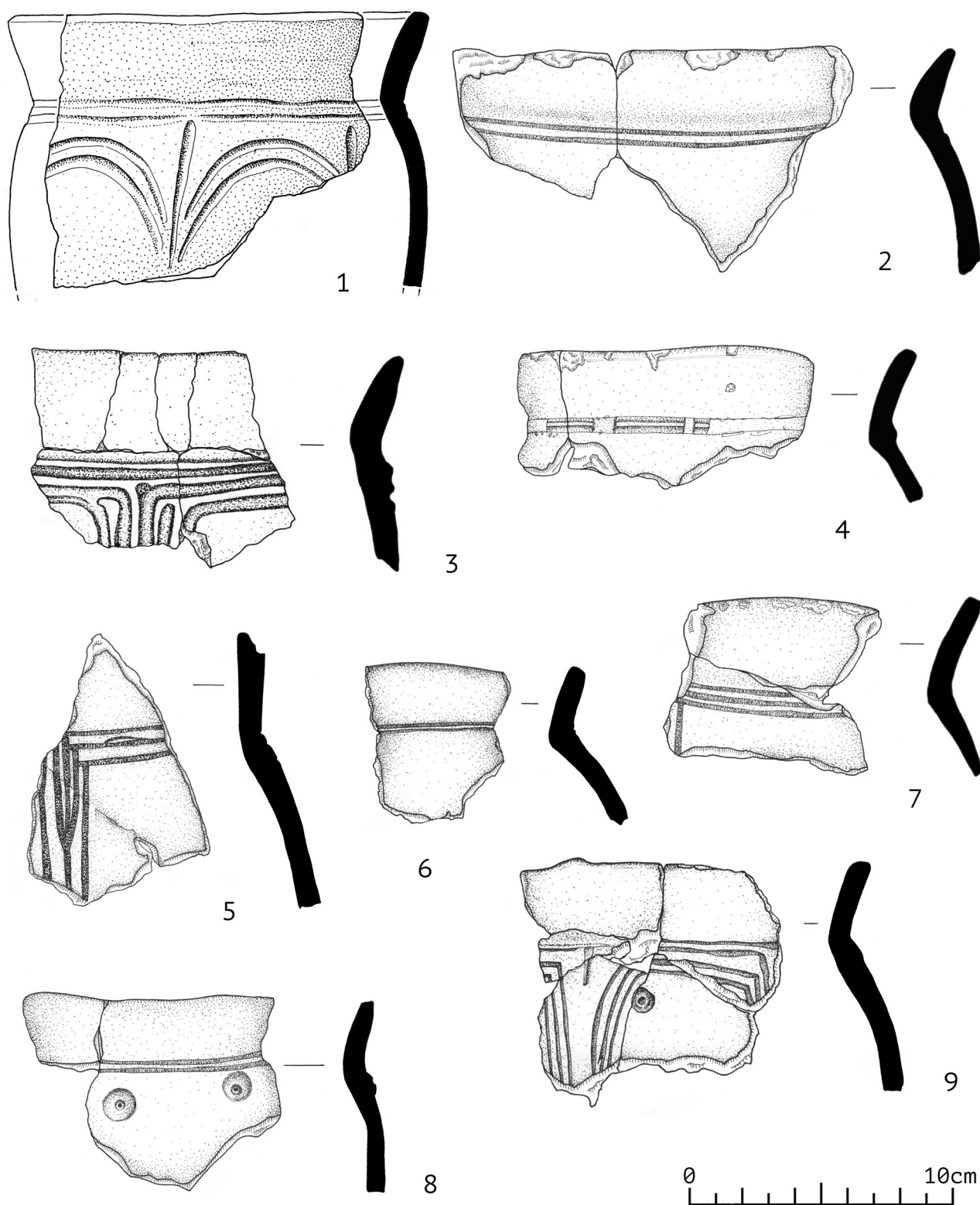

Рис. 5. Катылыг 5. Керамика. Группа 1: 1 – Л7/56; 2 – Л15/53, 54; 3 – Л14/41–44; 4 – Н5/23, 25; 5 – Л18/4; 6 – Л17/6; 7 – Н7/4, 6; 8 – Л10/14, 25; 9 – М19/9

Fig. 5. Katylyg 5. Pottery. Group 1

1984, p. 60, fig. 17), представленные сосуды соответствуют типам 5–11. При этом поселенческий материал, представленный, как правило, небольшими фрагментами, в большинстве случаев не может быть однозначно отнесен к тому или иному типу по Кенку.

Эта типология, кроме всего прочего, достаточно условна. Она удобна, полностью описывает весь керамический материал, но не по какому-то единому признаку. В некоторых случаях отличия типов – пропорции, в других – размеры, в третьих – орнамент. Два типа (10 и 11) выделены только по наличию налепов на верхней части венчика.

Также очевидно, что «вазы» (типы 5–6) и «горшки» (типы 8–11) не распадаются на строго отдельные множества, переходные формы (тип 7) весьма многочисленны. Собственно, кокэльская ваза и горшки это, по всей видимости, два формальных полюса единого типа керамики, отличающиеся размерами. Техника изготовления, пропорции и орнаменты у них общие.

В погребение та или иная форма (горшок или ваза) могла быть поставлена исходя не из своей специфики, а из количества и характера погребальной пищи. На поселении же использовалась, надо полагать, посуда разного размера.

Отдельно можно отметить, что на городище не встречено ни одного фрагмента «сосуда на поддоне» (типы 1–4 по Кенку), второй по популярности формы керамики, представленной в кокэльских погребениях после «ваз» и «горшков».

В восьми тысячах фрагментов керамики из Катлыга 5 встречено 34 просверленных отверстия, которые являются, судя по всему, следами ремонта. Большинство фрагментов с отверстиями относятся к типично кокэльской керамике, остальные – не определены.

Группа 2 (рис. 6). Около пяти процентов фрагментов керамики на городище составляют сосуды, в целом схожие с кокэльскими, но имеющие ряд разнообразных нехарактерных признаков. В первую очередь это более мягкий изгиб горла и обычно более светлый цвет. Есть фрагменты с насечками по внешней поверхности венчика (рис. 6.1, 8). Эта группа, возможно, при увеличении количества материала разобьётся на несколько, или же наоборот,

окажется, что все эти признаки не выбиваются из общей характеристики кокэльской керамики. Но пока нам кажется возможным выделить эту группу.

Группа 3 (рис. 7). Чуть менее пяти процентов керамики – фрагменты с резко профилированными гранями на внутренней и иногда внешней поверхности горла, иногда орнаментированные двумя параллельными рядами насечек (рис. 7.4, 8). Они обычно темнее, часто почти черные и менее рыхлые. Из этих фрагментов не сложилось ни одного полного профиля, но, судя по венчикам, это небольшие горшки. Орнамент в виде насечек изредка встречается на кокэльской погребальной керамике, но в данном случае он еще и однозначно соотносится со специфичностью профиля.

Между этими тремя группами нет однозначной четкой грани, многие фрагменты занимают промежуточное положение.

Группа 4 (рис. 8). Восемнадцать процентов определимых фрагментов принадлежат «сосудам со скошенным горлом» или, по другой терминологии, «сосудам с вырезом». Эта керамика, как правило, более светлого цвета, причем в отдельных случаях она может быть не коричневого, а серого цветового ряда. При этом состав теста, лощение и, что особенно интересно, наличие на некоторых экземплярах налепов на верхней поверхности венчика (рис. 2.5) не позволяют рассматривать эту керамику как импорт.

Эта форма неизвестна в погребениях кокэльской культуры, да и в целом встречена в Центральной Азии впервые. Ближайшие аналогии находятся на Дальнем Востоке и в Забайкалье (где интерпретируются как свидетельство миграции с Дальнего Востока). Там она также встречена только на поселениях. Это довольно дальние и, что не менее важно, более поздние аналогии. Все они недавно собраны в одной публикации (Пискарева, 2017).

Вопрос о функциональности подобного рода формы керамики на Дальнем Востоке пока, насколько нам известно, окончательно не решен. Там эти сосуды, как правило, крупнее (обычно более 30 см в высоту) и, возможно, использовались в лежачем положении «для очищения семян от скорлупы, переборки зерна» (Пискарева, 2017. С. 180).

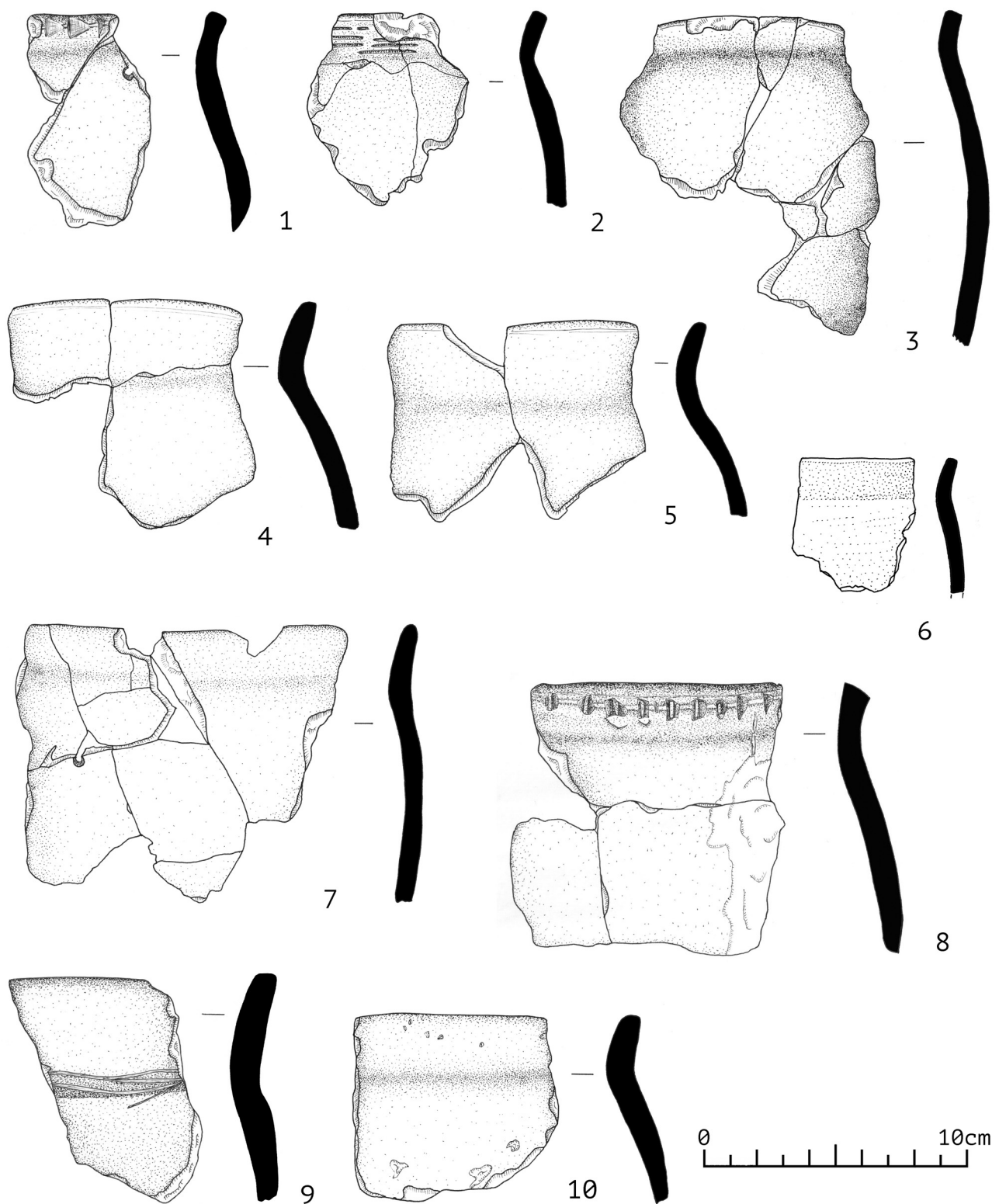

Рис. 6. Катылыг 5. Керамика. Группа 2: 1 – Н5/8, 9; 2 – 39/20, 22, 26; 3 – 39/145; 4 – М9/41, 152, 157; 5 – М10/32, 33; 6 – Н15/17; 7 – Л6/11, 25, 26, 138, 140; 8 – Л6/217, 218; 9 – Л18/53; 10 – М10/59

Fig. 6. Katylyg 5. Pottery. Group 2

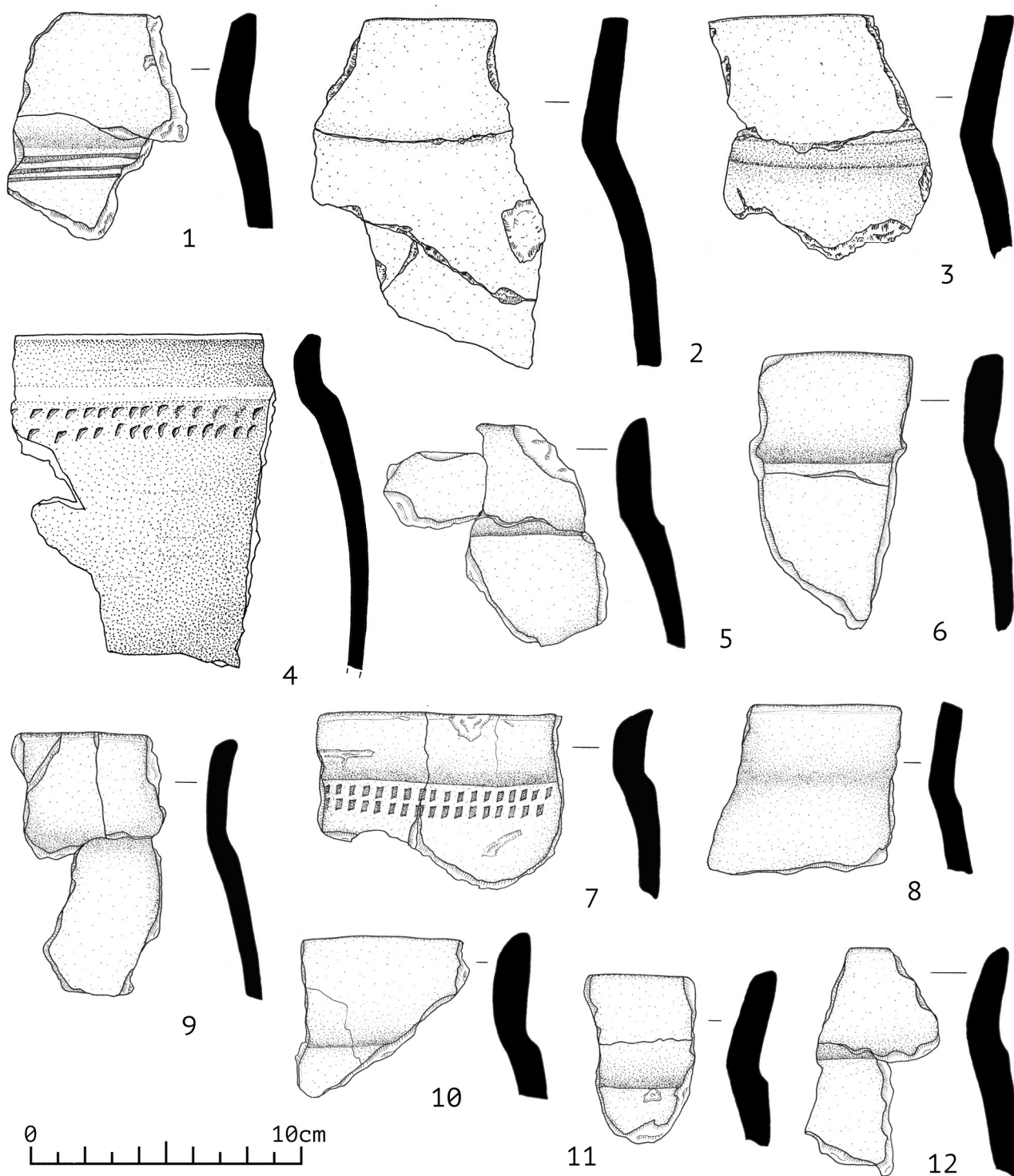

Рис. 7. Катылыг 5. Керамика. Группа 3: 1 – Л13/3, 5; 2 – Г11/1; 3 – 313/82, 92; 4 – П13/1; 5 – Р8/1; 6 – О12/102; 7 – О12/89; 8 – М8/124; 9 – М9/2, 10, 42, 54; 10 – О13/3; 11 – Р8/39; 12 – Р8/38

Fig. 7. Katylyg 5. Pottery. Group 3

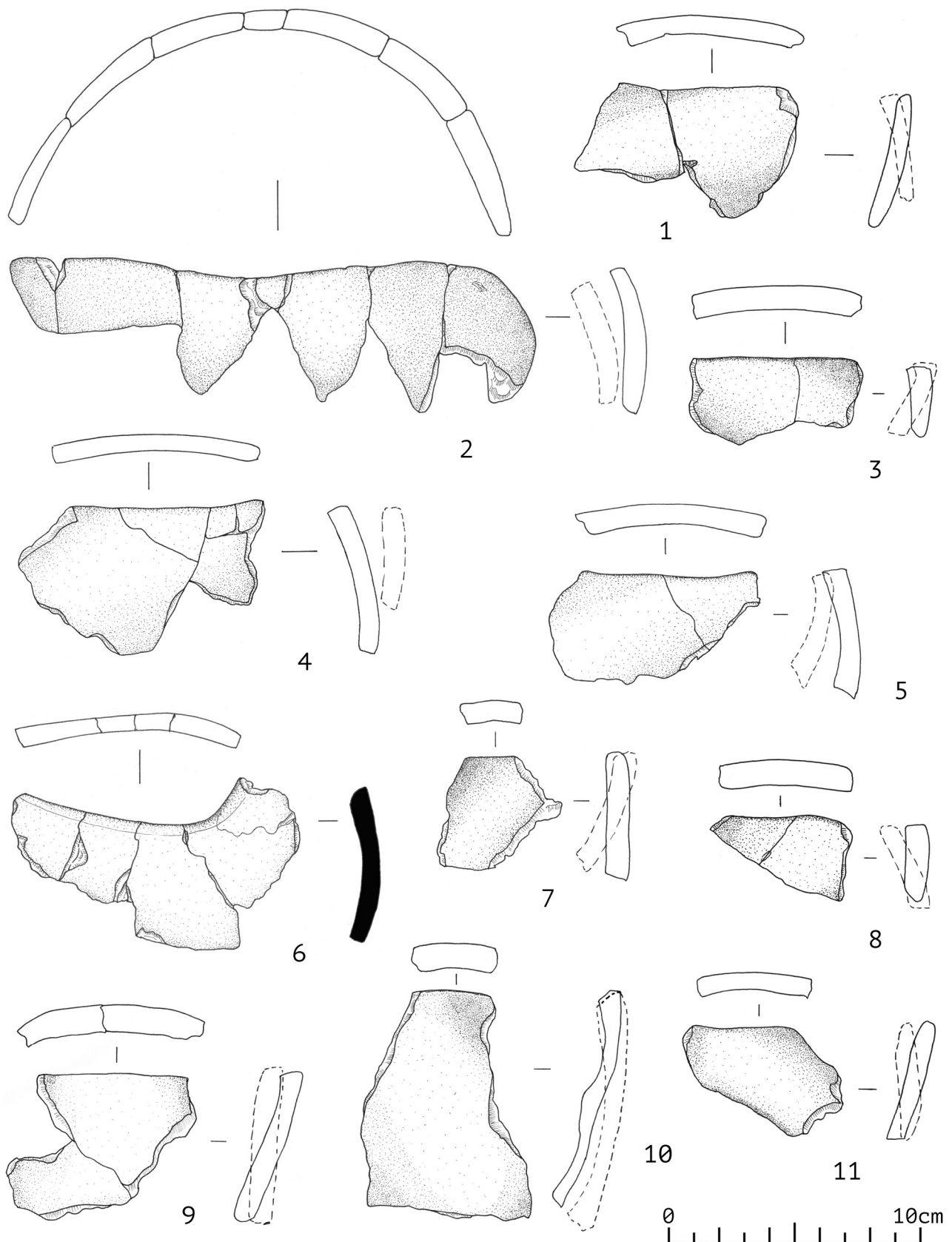

Рис. 8. Катылыг 5. Керамика. Группа 4: 1 – Ж16/1, 75; 2 – Л6/184, 260, 263, 295, 310; 3 – Д11/12; 4 – Л6/230, 301; 5 – Л8/4; 6 – О13/1, 4, 9, 10; 7 – И15/8; 8 – 312/62; 9 – И10/45; 10 – К10/83; 11 – 313/94

Fig. 8. Katylyg 5. Pottery. Group 4

На наш взгляд, наиболее правдоподобное функциональное объяснение этой формы на Катылыге 5 – использование такой керамики в процессе плавки железа. Этот процесс предполагает постоянное досыпание в горн шихты и древесного угля, причем строго определенными порциями. Досыпание при этом происходит на раскаленную поверхность. «Сосуд со скошенным горлом» может выступать при этом и мерой, и инструментом, предохраняющим от ожогов.

В процессе наших раскопок нам не встретилось контекста, напрямую доказывающего это предположение. Один из сосудов (рис. 2.6) найден целым в яме, расположенной рядом с горном совместно с целым типично кокзельским (рис. 2.1) сосудом. Все определимые фрагменты «сосудов со скошенным горлом» и зона металлургического производства показаны на отдельном плане (рис. 9). Прямой зависимости в расположении керамики не наблюдается. Но, как нам кажется, эта функциональность впоследствии может проявиться со всей определенностью.

В связи с выделением этой формы можно попробовать иначе рассмотреть находки деревянных сосудов в могильнике Кокзель в кургане 124 (Вайнштейн, 1970. С. 67) и в кургане 145 (Дьяконова, 1970. С. 236). Они могут оказаться миниатюрной «вотивной» формой сосудов со скошенным горлом (рис. 10). Подобного рода деревянные «замещения» реальных предметов широко представлены в погребальном инвентаре этого памятника.

Про деревянный сосуд, найденный в сильно потревоженном погребении кургана 124 (рис. 10.1) указано: «у колена правой ноги – миниатюрный деревянный стакан» (Вайнштейн, 1970. С. 66). При описании богатого погребения в кургане 145 указано: «за черепом – керамический сосуд, в нем – деревянная ложечка, возле сосуда – деревянный стаканчик» (Дьяконова, 1970. С. 227).

В обоих случаях предполагалось, по всей видимости, что это не полная форма и скошенное горло – следствие поломки или плохой сохранности. В настоящее время только по рисункам трудно дать однозначное заключение.

Все вышеперечисленные типы керамики представлены на городище достаточно массово и, как нам кажется, непосредственно представляют культуру оставившего памятник населения. Ниже мы кратко опишем фрагменты (рис. 11), которые, возможно, не одновременны поселению и не имеют к памятнику прямого отношения.

В единственном экземпляре представлен на городище сосуд, имеющий ручку (рис. 11.1). Тесто, цвет и лощение в целом не выбиваются из общего ряда, так что, по всей видимости, он все-таки принадлежал непосредственно населению городища и является собой некоторое исключение, подтверждающее общее правило. Контекст его нахождения – неполным развалом в яме. В погребальных памятниках кокзельской культуры ручки у сосудов крайне редко, но встречаются.

Также единственным экземпляром представлен целый миниатюрный сосуд (рис. 2.9). Он также по основным характеристикам не отличается от основной массы кокзельской керамики, но и традиция изготовления миниатюрных керамических сосудов по погребальным комплексам в кокзельской культуре не прослеживается.

На нескольких фрагментах (от двух разных сосудов, рис. 11.2, 4) встречен орнамент, крайне характерный для сюнну – волнистая линия между двумя прямыми. Они отличаются от остальной керамики и профилем венчика, и лучшим обжигом, и серым цветом. Такая форма и орнаментация керамики, теоретически может дожить до 3-го века нашей эры (она, допустим, есть в материалах памятника Аймырлыг 31, который традиционно датируется в том числе и этим временем, но материал из которого опубликован очень выборочно и суммарно, без разделения на комплексы), но более вероятно, что прямого отношения к городищу эта керамика не имеет.

Несколькими фрагментами (например, рис. 11.16, 17) представлена керамика, характерная для окуневской культуры Тувы. К этому же времени могут относиться и кремневые артефакты с городища. Недалеко от памятника находится поселение Катылыг 4, где (по предварительным результатам разведок) процент окуневского материала весьма значителен, и территорию городища Катылыг 5

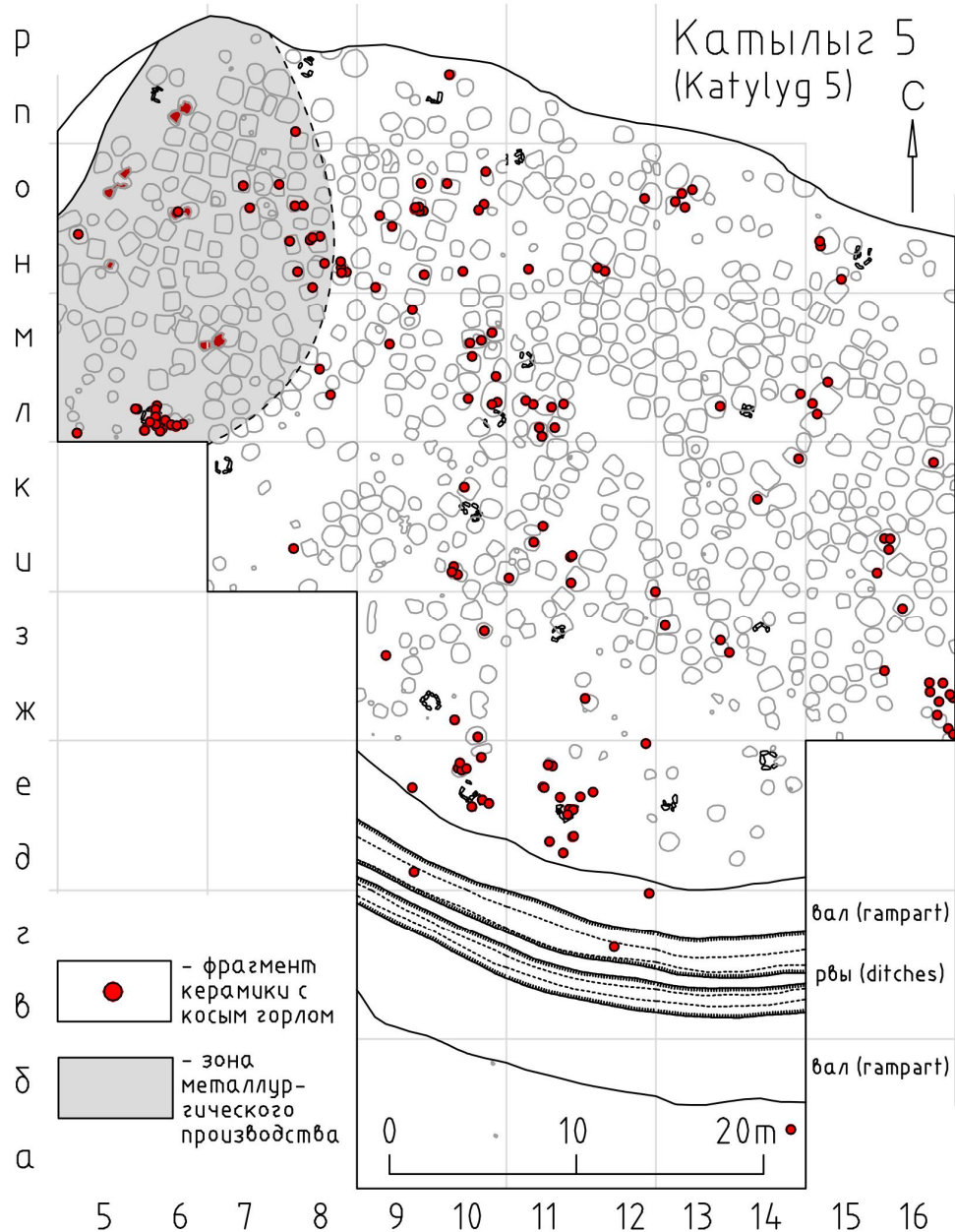

Рис. 9. Расположение фрагментов сосудов «со скошенным горлом» на плане раскопа и его соотношение с зоной металлургического производства

Fig. 9. Arrangement of fragments of vessels "with a sloping neck" on the excavation plan and its relationship with the zone of metallurgical production

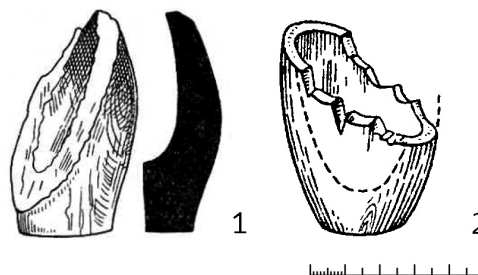

Рис. 10 Деревянные сосуды могильника Кокэль: 1 – из кургана 124; 2 – из кургана 145 (по С.И. Вайнштейну и В.П. Дьяконовой)

Fig. 10. Wooden vessels from Kokel burial site. 1 – burial mound 124; 2 – burial mound 145 (according to S. Vainshtein and V. D'yakonova)

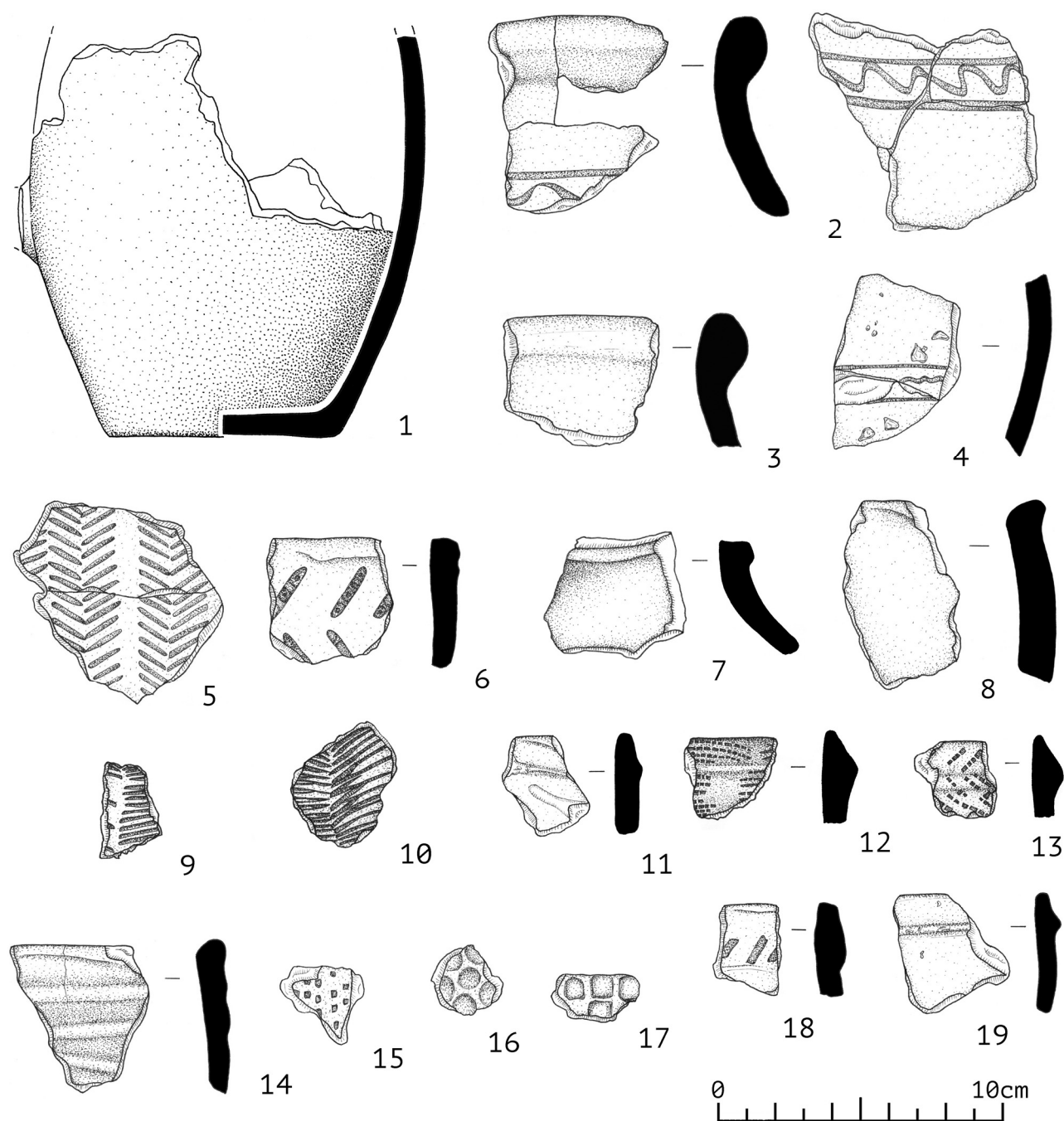

Рис. 11. Катылыг 5. Керамика. Нетипичные фрагменты: 1 – И12/10–12, 14, 17, 19, 20; 2 (2 фрагмента) – П11/3, 21, 22, 31, 38, 47; 3 – О12/89; 4 – 39/34, 82; 5 – Н11/1, 2; 6 – В13/9; 7 – ПМ/30; 8 – Е11/235; 9 – М19/5; 10 – Н17/2; 11 – Н8/19; 12 – Ш1/8; 13 – Ш1/7; 14 – О5/92; 15 – К9/5; 16 – К14/1; 17 – Е13/1; 18 – М16/33; 19 – О6/17

Fig. 11. Katylyg 5. Not typical ceramics

можно предположительно рассматривать, как далекую периферийную зону более раннего памятника.

Единичные фрагменты (рис. 11.14) могут быть связаны с позднескифской керамической традицией. Эта керамика также, как нам кажется, для Катылыга 5 случайна.

Несколько нехарактерных для городища фрагментов (рис. 11.8, 11, 18, 19) находят прямые аналогии в материалах из шурфов на городище Чыварлыг 1 (Садыков, 2017б). Это второе известное городище «неправильной» формы в Туве, которое пока полноценно не раскапывалось. Вопрос о его хронологическом и культурном положении пока не

может быть решен однозначно, но некоторые соответствия в керамическом комплексе (в целом отличном) позволяют надеяться на перспективность их сопоставления.

На основе представленного материала можно сделать некоторые выводы разной степени общности:

1. Керамика погребальных и так называемых поминальных памятников кокзельской культуры не является каким-то отдельным, специально для ритуальных целей сделанным видом керамики (возможно, кроме сосудов на поддонах). Те же самые формы применялись и в быту. Арочно-лопастной орнамент не связан с идеей смерти.

2. Можно отдельно отметить полное отсутствие на городище сосудов на поддонах. Они в целом характерны больше для Западной Тувы и конкретно могильника Кокзель, и в Центрально-Тувинской котловине зафиксированы гораздо реже. Пока не хватает данных определенно связать это с региональными (культурными), хронологическими или функциональными отличиями.

В большей степени это отсутствие работает на версию об исключительно ритуальной функции этих сосудов. Можно в связи с этим еще раз вспомнить наблюдение С.И. Вайнштейна об этом типе керамики (он называет их «котловидными сосудами») могильника Кокзель, что «не было ни одного случая, когда бы были найдены котлы поврежденными до установки в могилу. Ни в одном из котлов не обнаружены остатки пищи, нет и следов бытового использования. Котловидные сосуды отличаются грубостью лепки, плохим обжигом и асимметрией формы. Все это позволяет сделать вывод, что котловидные сосуды из погребений могильника Кокзель имели ритуальное назначение и изготавливались специально для сопровождения умерших в загробный мир. Они являлись моделями больших бронзовых котлов, широко распространенных в гунно-сарматское время у кочевников Евразии, в том числе у гуннов (хунну) Северной Монголии и Забайкалья» (Вайнштейн, 1970. С. 74).

Интересно, что происхождение арочно-лопастного орнамента на кокзельских горшках и вазах обычно связывают с теми же «хуннскими

бронзовыми котлами» (например, Савинов, 2003. С. 51), при том что на керамических «котловидных сосудах» арочного орнамента, как правило, нет. Получается несколько парадоксальная ситуация, где бронзовые котлы для одного типа керамики определили форму, для другого – орнамент, но только не то и другое вместе.

3. Керамика группы 3 – это, возможно, следствие присутствия в составе населения Катлыга 5 людей (или даже одного человека) другой культурной традиции. Функционально эти сосуды ничем не отличаются от остальных, это те же горшки. Другой орнамент и профилировка в данном случае означают, возможно, другое происхождение.

4. «Сосуды со скошенным горлом», составляющие вторую по численности группу керамики на городище, интересны в нескольких аспектах.

Совершенно непонятно их происхождение. На Дальнем Востоке пока известны только более поздние аналоги. Важно также, что некоторые из сосудов имеют исключительно характерные для кокзельской керамики налесты по верхней части венчика. Эти налесты не имеют какой-то очевидной функциональности, это, так сказать, традиционный, культурный элемент. По всей видимости, эта форма керамики считалась полностью «своей».

Если забыть на время весь исторический контекст и опираться только на немногочисленные археологические находки, то получится, что такие сосуды появились в Туве (раз уж они более ранние), и потом эта традиция переносится на Дальний Восток, где распространяется у племен мохэ, минуя промежуточные территории, и потом уже постепенно распространяется в Забайкалье (Алкин, 2012). Носители кокзельской культуры в этом случае, очевидно, являются прототунгусами, впоследствии ушедшими на Дальний Восток для обретения новой родины. К сожалению, эта версия слабо соотносится со всем остальным корпусом материальной культуры, который у кокзельцев и мохэсцев отличается довольно сильно.

Но более вероятно, конечно же, появление схожего типа керамики на столь отдаленных территориях из некоторого общего источника, в результате какого-то общего культурного импульса. Для первых веков новой эры это может быть каким-то

образом связано с «сяньбийским» влиянием. При всей неопределенности этого термина некоторые параллели находятся и для Дальнего Востока (Инук, 2015. С. 324), и для Тувы. Как нам кажется, в процессе дальнейшего накопления материала этот тип керамики окажется важным в том числе и в вопросе о происхождении кокэльской культуры.

Отдельно можно отметить, что поскольку этот тип керамики полностью отсутствует в виде целых форм в погребениях, его первое выделение среди массового поселенческого материала состоялось только по результатам раскопок широкими площадями, что возможно не везде и не всегда.

Статья поступила 24.01.2018 г.

Библиографический список

Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. С. 499–504.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сыын-чюрекской культур) // Труды ТКАЭЭ. М.-Л. 1970. № 3. С. 7–79.

Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Труды ТКАЭЭ. М.-Л. 1970. № 3. С. 210–238.

Кан Инук. О процессе сложения культуры населения Бохая (на основе формирования культуры мохэ во II–V вв. н. э.) // Средневековые древности Приморья. Владивосток, 2015. С. 308–328.

Килуновская М.Е., Леус П.М. Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). М., 2017. № 247. С. 87–104.

Пискарева Я.Е. О назначении уникальных сосудов раннесредневековых памятников Дальнего Востока // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 171–185.

Савинов Д.Г. Проблема хронологии кокэльской культуры в историческом контексте // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. № 5. С. 49–59.

Савинов Д.Г. Ритуальные комплексы с захоронениями сосудов хуннского времени в Туве // Ритуал и ритуальный предмет. СПб., 1995. С. 48–59.

Если предположение о функциональности «сосудов со скошенным горлом» окажется верным, то наличие поблизости железоделательного производства можно будет диагностировать только по присутствию этого типа керамики.

Кроме прочего, опираясь на целые формы и зная о наличии традиции производства таких сосудов в Центральной Азии, можно будет выделять эту керамику в материалах небольших поселенческих раскопок, шурфов и среди подъемного материала. В начале наших раскопочных работ первые найденные фрагменты сосудов со скошенным горлом предположительно проходили у нас по разряду технологического брака.

Article was received in January, 24, 2018

References

Alkin S.V. Migration of Mokhe to Shilka river in Trans-Baikalia: on the problem of early contacts between proto-Tunguses and proto-Mongols. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Trans-Baikalia]. Ulan-Bator, 2012, pp. 499–504. (In Russian).

Vainshtein S.I. Excavations at Kokel burial site in 1962 (Kazyrgan and Syyn-Churek types of burials). *Trudy TKAEE* [Proceedings of Tuva Complex Archaeological-Ethnographical Expedition], Moscow-Leningrad, 1970, no. 3, pp. 7–79. (In Russian).

D'yakonova V.P. Excavations at Kokel burial site in 1966. *Trudy TKAEE* [Proceedings of Tuva Complex Archaeological-Ethnographical Expedition]. Moscow-Leningrad, 1970, no. 3, pp. 210–238. (In Russian).

Kang In Uk. About the genesis of culture of Bohai population (on the basis of genesis of culture of Mohe in 2–5 centuries AC). *Srednevekovye drevnosti Primor'ya* [Middle Ages in Primorye]. Vladivostok, 2015, vol. 3, pp. 308–328. (In Russian).

Kilunovskaya M.E., Leus P.M. The art of the end of the first millennium BC in Tuva. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology]. Moscow, 2017, no. 247, pp. 87–104. (In Russian).

Piskareva Ya.E. Unique vessels from Early Middle Ages time in Far East region. *Rossiya i ATR* [Russia and APR], 2017, no. 4, pp. 171–185. (In Russian).

Savinov D.G. Problema khronologii kokel'skoi kul'tury v istoricheskom kontekste [About chronology of Kokel culture in historical context] // Problemy istorii Rossii [Problems in history of Russia]. № 5. Ekaterinburg. 2003. pp. 49–59. (In Russian).

Savinov D.G. Ritual sites of Xiongnu time with “burials” of the vessels in Tuva. *Ritual i ritual'nyi predmet* [Ritual and ritual's thing]. St. Petersburg, 1995, pp. 48–59. (In Russian).

Садыков Т.Р. О городищах нового типа в Туве // Петроглифы Центральной Азии и Северного Китая. Уланбаатар, 2017. С. 224–232.

Садыков Т.Р. О так называемых «поминальниках» кокельской культуры Тувы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск. 2016. Т. 1. № 7. С. 269–276.

Садыков Т.Р. Следы бытовых и хозяйственных практик на городище Катылыг 5 в Центральной Туве // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2017а. Т. 13. № 3. С. 19–29. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-19-29

Kenk R. Das Graberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva, Sud-Sibirien // Materialien zur Allgemeinen u. Vergleichenden Archäologie. KAVA. Bd. 25. München, 1984.

Сведения об авторе

Садыков Тимур Рашитович,
младший научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН,
Российская Федерация, 191186, С.-Петербург, Дворцовая набережная, 18,
e-mail: tim.sadykov@gmail.com

Критерии авторства

Т.Р. Садыков выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Sadykov T.R. About new type of settlements in Tuva. *Petroglyphs of Central Asia and Northern China*. Ulaanbaatar, 2017, pp. 224–232. (In English).

Sadykov T.R. *O tak nazyvaemykh "pominal'nikakh" kokel'skoi kul'tury Tuvy* [About so-called "wake-complexes" of Kokel archaeological culture of Tuva]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Krasnoyarsk, 2016, vol. 1, no. 7, pp. 269–276. (In Russian).

Sadykov T.R. Everyday life at fortified settlement Katelylg 5 in Central Tuva. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Irkutsk, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 19–29. (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-19-29

Kenk R. Das Graberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva, Sud-Sibirien // Materialien zur Allgemeinen u. Vergleichenden Archäologie. KAVA. Bd. 25. München, 1984.

Information about the author

Timur R. Sadykov,
Junior researcher,
Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences,
18 Dvortzovaya emb., Saint-Petersburg 191186, Russian Federation,
e-mail: tim.sadykov@gmail.com

Attribution criteria

Sadykov T.R. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript, documents and illustration for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.